

Прелюдия к договорам о базах

Хейно Арумяэ

14 апреля 1938 г. министр иностранных дел Финляндии Рудольф Холсти зафиксировал в особо секретном дневнике: «Сегодня в час дня мне позвонил второй секретарь полпредства России Ярцев и попросил о срочной личной беседе со мной. Я пригласил его к двум часам». Р. Холсти было известно, что Ярцев «в полпредстве России является представителем ГПУ».¹

Для министерства иностранных дел Финляндии предложение Б. А. Ярцева было неожиданным. Бывший советский полпред Эрик Асмус был вызван в Москву, где стал жертвой сталинских репрессий, но новый полпред Владимир Деревянский уже прибыл в Хельсинки, и было бы логично, что с существенными предложениями к министру иностранных дел Финляндии обратится именно он.

Тем более неожиданным было предложение Ярцева начать тайные переговоры о военном сотрудничестве между СССР и Финляндией. Ярцев также подчеркнул, что он уполномочен высшим руководством Советского Союза (позже он называл себя представителем Политбюро) и что его деятельность должна оставаться в тайне, так как о ней не знает даже полпредство СССР в Хельсинки.

Так начались тайные советско-финские переговоры, о важности и значении которых в Финляндии даже не догадывались.

Обнаружившиеся в ходе переговоров стремления и претензии советского руководства касались сначала только Финляндии, но Москва все больше имела в виду и Балтийские государства.²

В наши дни хорошо известно, что под псевдонимом второго секретаря посольства Бориса Ярцева действовал резидент советской разведки Борис Рыбкин. Борис Рыбкин родился 19 июня 1899 г. на юге России в семье крестьянина-виноградара. Будучи выходцем из многодетной семьи, он уже мальчишкой устроился в типографию учеником наборщика, среднее образование получил в вечерней школе. Он собирался продолжить учебу в Петроградском горном институте, но вместо этого был завербован на работу в органы безопасности.

В 1920 г. Борис Рыбкин был направлен в Персию (Иран), где занимался проблемами экономических взаимоотношений, но не исключено, что и другими вопро-

¹ Valtioneuvoston historia. 1917–1966. I. Helsinki, 1978, s. 578.

² Финские авторы уделяли довольно большое внимание акции Б. Ярцева-Рыбкина. В. Таннер первым охарактеризовал переговоры с ним в своих воспоминаниях «Я был министром иностранных дел во время Зимней войны» (V. Tanner. Olin ulkoministerinä talvisodan aikana. Helsinki, 1950). Тот же вопрос рассматривается в ряде работ финских авторов: А. Pakaslahti. Talvisodan poliittinen näytelmä. UM:n poliittisen osaston päällikön päiviä ja öitä. Porvoo, 1970; М. Jakobson. Diplomaattien talvisota. Suomi maailmanpolitiikassa 1938–40. Porvoo, 1968; К. Korhonen. Turvallisuuden pettäessä. Suomi neuvostodiplomaatiassa Tartosta talvisotaan. II. 1933–1939. Helsinki, 1971 и др. Самым основательным до сих пор остается исследование: J. Suomi. Talvisodan tausta. Neuvostoliitto Suomen ulkopolitiikassa 1937–1939. I. Holstista Erkkoon. Helsinki, 1973. В России в последнее десятилетие опубликовано много литературы о разведке, естественно, не обойдена вниманием и деятельность Б. Ярцева-Рыбкина в Финляндии (Тайна Зои Воскресенской. Москва, 1998). Переговоры, проходившие весной 1939 г., отражены в изданных в Москве сборниках документов по внешней политике Советского Союза: Год кризиса. 1938–1939. Том 1. 29 сентября – 31 мая 1939 г. Документы и материалы. Москва, 1990; Документы внешней политики СССР (ДВП СССР). 1939 год. Том двадцать второй. Книга первая. 1 января – 31 августа 1939 г. Москва, 1992.

В соответствии с пактом Молотова – Риббентропа Балтийские страны остались в сфере влияния СССР, на основании т.н. договора о базах Советская армия перешла государственную границу Эстонской Республики 18 октября 1939 г. ФЭ 0-48697

ми. Дальнейшая его служба проходила во Франции, Бельгии и Австрии, затем в центральном разведаппарате в Москве, а в 1936 г. он был направлен резидентом разведки в Финляндию. Рыбкин дослужился до звания полковника, его псевдоним – Кин. Он погиб в автокатастрофе близ Праги при довольно таинственных обстоятельствах 27 ноября 1947 г.

Предшествующий резидент был отозван из Финляндии, и его обязанности временно исполняла Зоя Воскресенская. Она родилась 28 апреля 1907 г. в Тульской губернии в семье железнодорожника. В 1928 г. была завербована в органы разведки из педагогического института, успела поработать в Москве и даже в Китае. Чтобы приспособиться к жизни в Европе и совершенствовать знание немецкого языка, она останавливалась в Риге, а затем в Берлине. Побывала она и в Вене, дабы познакомиться с местным диалектом. В 1933–1935 гг. З. Воскресенская работала в органах безопасности Ленинграда, ей приходилось иметь дело с разведкой в Эстонии и обобщать полученную информацию. Ее псевдоним – Ирина.

В 1935–1939 гг. З. Воскресенская была разведчиком в Финляндии, используя в качестве прикрытия должность заведующей местного представительства Интуриста. По прибытии Б.Рыбкина у них вначале возникли конфликты, но вскоре они попросили у центра разрешения на брак.

Люди, знавшие Воскресенскую и Рыбкина, характеризовали обоих довольно положительно. Ее называли красивой, умной и энергичной женщиной, которая добивалась внимания в любой компании.

Вяйно Таннер, которому приходилось довольно часто общаться с Б. Ярцевым-Рыбкиным, характеризовал его следующим образом: «Этот господин Ярцев проработал в полпредстве несколько лет и за это время завел в Хельсинки очень много знакомств, в основном, в кругах крайне левых. Он был жизнерадостным и во многом приятным человеком. С ним было просто говорить даже на деликатные темы, как с человеком, который, не в пример другим руководящим лицам, не особо осторожничал в выборе слов. О нем было известно, что в полпредстве он представляет ГПУ, государственную

полицию Советского Союза, представитель которой в полпредстве был всегда в расчетной ведомости. Его супруга, интересная женщина средних лет, была в городе также довольно известной личностью, поскольку представляла российское туристическое агентство Интурист и организовывала экскурсионные и ознакомительные поездки в Россию».³

Разговор в кабинете Сталина

В начале апреля 1938 г. Борис Ярцев-Рыбкин был вызван в Москву. Он не имел ни малейшего представления о причине вызова, а попытка выяснить причину результатов не дала. Даже на Лубянке в пресловутой штабквартире разведуправления сказали только, что это распоряжение с самого верха.

Позже, в дни Второй мировой войны, Рыбкин рассказывал в Стокгольме полпреду Александре Коллонтай: «Хорошо помню – это было 7 апреля утром. У Спасских ворот я предъявил дежурному офицеру свое удостоверение личности. Молодой человек в гражданском предложил проводить меня. В правительственном корпусе Кремля я был впервые. В приемной, очевидно, дежурный секретарь, взглянув на часы, сказал: «Присядьте, пожалуйста, через пять минут вас примут». Я еще не понимал, кто меня примет и по какому вопросу. Но вот раздался тихий звук зуммера. Секретарь распахнул дверь и пригласил меня пройти. Я вошел в кабинет и, к моему изумлению, увидел Сталина».⁴

Кроме Сталина в кабинете были В. Молотов и К. Ворошилов. Сначала Сталин попросил Рыбкина рассказать о своей жизни и деятельности, а затем стал засыпать разведчика различными вопросами об условиях жизни, вооруженных силах, регулярной армии, воздушном и морском флотах Финляндии, и о многом другом. Рыбкина удивили разносторонние познания Сталина о Финляндии, и он решил, что тот очень основательно подготовился к этой беседе.

В ходе беседы Сталин заметил: «Сосед невелик, но границы его с нами уже растянулись более чем на тысячу километров. Кроме того, мы соседствуем с ним на Баренцевом море и на Балтике». Молотов и Ворошилов в разговор не вмешивались, и Сталин обратился к ним с вопросом: «Ну, как ваше мнение, поручим ему?» Оба кивнули, и тогда Сталин сказал, что Рыбкину надо будет провести с финским правительством совершенно секретные переговоры. Молотов в свою очередь уточнил, что полпред Э. Асмус отозван и до прибытия нового полпреда В. Деревянского его обязанности должен исполнять Рыбкин. Затем Сталин сформулировал основную цель Рыбкина: «Речь идет о нашем желании заключить с Финляндией двусторонний оборонительный договор на случай, если Германия через территорию Финляндии напала бы на Советский Союз. СССР со своей стороны даст гарантии о своих мирных намерениях в отношении Финляндии и обеспечит независимость страны». Сталин добавил, что о переговорах никто не должен знать.

Рыбкин стал тут же возражать, сказав, что Финляндия с таким предложением не согласится, поскольку связана с Германией. Ведь именно с помощью немецких специалистов финны строят крепости на восточной границе. Ворошилов подтвердил, что Москве известно и это, и то, что Маннергейм проводит много времени в Германии и что финские военачальники окончили военные академии в Германии. Ярцев добавил, что профашистские военные организации Финляндии втрое больше нежели регулярная армия.

На вопрос Молотова, на кого ориентируется министр иностранных дел Холсти, Ярцев, не задумываясь, ответил, что у него, бесспорно, германская ориентация.

Сталин посоветовал: «Объясните финнам, что советское правительство полно желания уважать независимость и территориальную целостность Финляндии. Но мы абсолютно убеждены, что Германия вына-

³ V. Tanner. Olin ulkoministerinä..., s. 9.

⁴ Тайна Зои Воскресенской, с. 117.

шивает далеко идущие планы агрессии против СССР, и следует дать понять, что если германская армия высадит свои войска на территорию Финляндии и обрушит оттуда атаки на нашу страну, Советский Союз не собирается пассивно ждать, пока немцы придут в Райяёки».

Расхаживая взад-вперед по кабинету и попыхая трубой, Сталин отметил, что современная артиллерия может обстреливать Ленинград с Карельского перешейка, и добавил: «Было бы очень важно заключить соглашение с Финляндией об обмене территориями. Они отодвигают свою границу назад, скажем, за Выборг, а мы их компенсируем районом, богатым карельской березой и мачтовым лесом с территории Карелии. Ведь финны на своей стороне все вырубили, лес снесли. Но это следующий этап...»

Ярцев еще раз высказал сомнение в возможностях реализации данного плана, подчеркнув, что в связи с доминирующими в Финляндии антисоветскими настроениями правительство Аймо К. Каяндера не сделает шагов, невыгодных для гитлеровской Германии. В завершение Сталин посоветовал поговорить с В.Таннером, которого назвал основателем финской социал-демократической партии. Рыбкин заметил, что Таннер стал вдруг ярким антисоветчиком.

Таким образом, уже в апреле 1938 г. в разговоре с Рыбкиным Сталин раскрыл далеко идущие планы советского руководства относительно Финляндии. Первым этапом переговоров с финским правительством должно было стать получение гарантии, что Финляндия не будет способствовать возможной немецкой агрессии против Советского Союза через территорию Финляндии, и требование, если подобное все же случится, чтобы финны оказали сопротивление немецким войскам и приняли помощь Москвы. Все это надо было зафиксировать в специальном договоре, который по сути был бы похож на договор о взаимопомощи.

Второй, основной и более перспективной целью Сталина был обмен территориями таким образом, чтобы государственная граница отодвинулась подальше от Ленинграда. Привлекает внимание тот факт, что Сталин

имел в виду и передачу Выборга Советскому Союзу. Правда, поскольку реализация первого этапа в 1938–1939 гг. успеха не имела, то вопрос был серьезно поставлен лишь осенью 1939 г.

Из каких соображений исходили в то время в Кремле? Каковы были причины принятых против Финляндии акций? Что явилось поводом?

Во-первых, бросается в глаза то, что Б. Рыбкин был вызван из Хельсинки в Москву в начале апреля 1938 г., а инструкции от Сталина он получил 7 апреля, т.е. непосредственно перед аншлюсом. Было ли это случайностью? Вряд ли, особенно если принять во внимание, что новая акция советского правительства относительно финских островов началась 5 марта 1939 г., т.е. за десять дней до начала агрессии Германии против Чехословакии. Напрашивается вывод, что советское правительство было хорошо информировано о планах Гитлера и стремилось использовать случай для укрепления собственных позиций.

Более весомые причины заключались в стратегических расчетах советского политического и военного руководства на то, что рано или поздно предстоит решающая схватка с Германией. Советское правительство и военное руководство тщательно следили за военными приготовлениями Гитлера, рассматривали возможные планы войны, учитывая возможных союзников и соучастников Германии. По многим причинам в Советском Союзе сложилось мнение, что в роли такого прямого или косвенного союзника может выступить и Финляндия.

Особо остро ухудшение советско-финских отношений ощущалось в 1933–1934 гг. Сталинские репрессии в связи с коллективизацией и последовавший за ней террор, выпавшие на долю Восточной Карелии и Ингерманландии, глубоко затронули финнов.

Некоторые организации, народные движения и партии заняли антисоветские позиции. На Москву произвела неприятное впечатление деятельность созданного в 1922 г. студенческого Карельского академического общества (Akateeminen Karjala-Seura – AKS), которое выступило за защиту прав соплемен-

ников, оставшихся на территории Советского Союза. Еще серьезней оценивалась деятельность праворадикального движения *Лануа* (Lapuanliike), его крайне антикоммунистическое и, естественно, антисоветское направление. Когда в 1932 г. движение *Лануа* было ликвидировано, его наиболее активные члены создали праворадикальную партию – Патриотическое народное движение (Isänmaallinen Kansanliike – IKL), идеологические убеждения членов которого формировались под влиянием итальянского фашизма и германского нацизма. В 1933 и в 1936 гг. партия получила в парламенте 14 мандатов.

В правых кругах Финляндии доминировало мнение, что враг врага является другом, или, как сказал Пер Эвинд Свинхувуд одному из зарубежных представителей: любой враг русских обязательно должен быть другом Финляндии. Исходя из таких убеждений, в некоторых кругах считали необходимым сотрудничество со все крепнущей Германией. Занявшие руководящие посты в Финской армии бывшие егеря получили начальное военное обучение в рядах немецкой армии в годы Первой мировой войны, и среди них были сторонники берлинского курса.

В финской печати появилось много острых статей антисоветского содержания. По этой части особо отличался печатный орган IKL «Ajan Suunta». Советская пропаганда не осталась в долгу. Пресса систематически публиковала сверхкритические статьи о финской внутренней и внешней политике. Утверждалось, что Финляндия имеет территориальные претензии к Советскому Союзу, писали о плане создания Великой Финляндии, которая протянется до Урала, и намекали, что Финляндия готова вместе с Германией напасть на Советский Союз.

Ясно, что в Москве не делали четкого разграничения между пропагандистскими лозунгами финских правых радикалов и официальной внешней политикой правительства.

Негативный отклик в Москве вызвало то обстоятельство, что Финляндия публич-

но оспорила принятие Советского Союза в Лигу наций по причине невыполнения положений заключенного в 1920 г. Тартуского мирного договора относительно предоставления Карелии автономии. Подозрения усиливались еще и негативным отношением Финляндии к подписанию Восточного пакта и участвовавшими инцидентами на границе и т. д.

Поэтому уже в июне 1935 г. полпред Советского Союза Э. Асмус дал понять правительству Финляндии, что в случае начала войны в Центральной Европе Советский Союз может считать необходимой оккупацию части территорий Финляндии. Месяц спустя посол вновь напомнил, что если Финляндия не изменит своей точки зрения относительно Советского Союза, ее будут считать врагом номер один.⁵

В беседе с министром иностранных дел Финляндии Рудольфом Холсти в феврале 1937 г. Литвинов сказал: «Финляндия нуждается в спокойствии и мире, которые могли бы быть ей полностью обеспечены при установлении надлежащих отношений с нами. Вместо этого она предпочитает интимную близость с Германией, Польшей и даже Японией. Мы хотели бы иметь хорошие отношения и с этими тремя странами, но, к сожалению, они ведут политику агрессивную и антисоветскую, и мы поэтому не можем относиться без подозрения к тем странам, которые с ними дружат. Мы не опасаемся, конечно, самостоятельного нападения на нас Финляндии, но мы должны учитывать при вышеозначенных обстоятельствах, что в случае большой европейской войны Финляндия может очутиться в противостоящем нам лагере, и мы принимаем, конечно, свои меры предосторожности на финской границе. Нам гораздо приятнее было бы не думать о финской границе и увести оттуда наши войска на другие участки границы, но политика Финляндии нам этого не позволяет».⁶

Правда, в 1937–1938 гг. отношения Советского Союза и Финляндии улучшились. Этому процессу основательно помогла це-

⁵ J. Suomi. Talvisodan tausta, s. 22–23.

⁶ ДВП СССР, т. 20, I, с. 75.

ленаправленная деятельность и особенно визит в Москву Р. Холсти, вступившего в должность министра иностранных дел при кабинете А. К. Каяндера 12 марта 1937 г.

И все же в Москве возникло недоверие относительно внешней политики Финляндии. В беседе с послом Швеции в Москве Вильгельмом Винтером 28 января 1939 г. М. Литвинов высказал свои подозрения: в Финляндии «[...] имеются партии, организации и влиятельные лица либо очень враждебные Советскому Союзу, либо же ориентирующиеся на тесное сотрудничество с Германией, а то и соединяющие вражду к нам с симпатией к Германии. Это побуждает нас к особой осторожности».⁷

Приведенная выше беседа Сталина с Рыбкиным подтверждает, что он хорошо знал ситуацию в Финляндии, но переоценивал влияние Берлина на ее политику. Например, намеки Рыбкина на то, что Маннергейм и Холсти симпатизируют Германии, совершенно беспочвенны: оба были всецело сторонниками Великобритании.

Да, Маннергейм неоднократно бывал в Германии, встречался с Герингом и другими высокопоставленными лицами, но его в первую очередь интересовали развитие авиации и другие военные вопросы. Что же касается министра иностранных дел Холсти, то к нему в Берлине относились с нескрываемым недоброжелательством и добивались его отставки.

В связи с Финляндией и Балтийскими государствами советское правительство больше всего заботила проблема безопасности Ленинграда, но и не только это. Совершенно точно имелись в виду и перспективные цели, а именно, обеспечение выхода в Балтийское море для советского Балтийского флота.

Руководство Советского Союза, а особенно, Генеральный штаб и штаб Балтийского флота, были озабочены тем, что в 1930-е гг. в

Финляндии и Эстонии были построены мощные береговые батареи, которые совместно с кораблями и подводными лодками и минными заграждениями могли закрыть устье Финского залива и решительно помешать действиям Балтийского флота. Как утверждает основательно исследовавший этот вопрос финский историк Ю. Лескинен, данный план был известен компетентным организациям Советского Союза.⁸

Не зря вечером 24 сентября 1939 г. В. Молотов сетовал в Кремле К. Селтеру: «В этом отношении нынешнее положение совершенно неестественно. Советский Союз должен ограничиться малой частью Финского залива. 20 лет тому назад нас посадили в эту финскую «лужку». Не думаете ли Вы, что это может оставаться навечно? Тогда Советский Союз был бессильным, к настоящему же времени значительно вырос в экономическом, военном и культурном отношении. Советский Союз теперь великая держава, с интересами которой необходимо считаться. Советскому Союзу требуется расширение системы своей безопасности, для чего ему необходим выход в Балтийское море».⁹

Вдобавок, в Москве считались с возможностью, что Германия может напасть на Советский Союз через территории Финляндии, Эстонии и Латвии. На состоявшихся 12 августа 1939 г. в Москве британско-франко-советских военных переговорах начальник Генерального штаба Красной армии Борис Шапошников представил различные варианты военных действий в случае агрессии Германии. Один из вариантов предусматривал совместные военные действия трех стран в случае нападения Германии на Советский Союз через территории Финляндии, Эстонии и Латвии.¹⁰

Итак, в преддверии Второй мировой войны в Москве считали, что Финляндия, а также Эстония и Латвия могут стать соучаст-

⁷ ДВП СССР, т. 22, I, с. 175–176.

⁸ J. Leskinen. Vendade riigisaladus: Soome ja Eesti salajane sõjaline koostöö Nõukogude Liidu võimaliku rünnaku vastu aastatel 1918–1940. Tallinn, 2000, lk 272–279.

⁹ От пакта Молотова–Риббентропа до договора о базах. Документы и материалы. Таллинн, 1990, с. 137.

¹⁰ СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны. (Сентябрь 1938 – август 1939). Документы и материалы. Москва, 1971, с. 577.

никами агрессии против Советского Союза в случае начала войны. В то же время принципиальной целью советского правительства было установление своего влияния и даже, в каком-то смысле, роли «защитника» этих государств.

Разведчик в роли дипломата

Как уже было сказано выше, московский эмиссар впервые встретился с финским министром иностранных дел Р. Холсти 14 апреля 1938 г. В первую очередь Б. Ярцев-Рыбкин пояснил точку зрения Москвы относительно возможной роли Финляндии в предстоящей войне. Он подчеркнул, что советское правительство уверено в том, что Германия затевает войну против Советского Союза. В ходе агрессии немецкие войска высадутся в Финляндии и с ее территории начнут наступление на восток. Если Германия пойдет по этому пути, то Красная армия не будет ждать появления вражеских войск у границы, а поспешит навстречу немцам. При всем уважении Советским правительством независимости Финляндии в создавшейся ситуации территория Финляндии может стать военным плацдармом. Московский эмиссар ссылался на то, что в Финляндии найдутся круги, которые и не желают сопротивляться германским войскам, а в случае сопротивления правые радикалы и профашистские круги могут организовать государственный переворот.¹¹

Если же правительство Финляндии решит выступить против возможной агрессии Германии, то Советский Союз готов предоставить всестороннюю экономическую и военную помощь, причем по окончании войны советские войска будут выведены из Финляндии.

Затем Ярцев-Рыбкин спросил: может ли Финляндия гарантировать, что не будет поддерживать Германию в войне против Советского Союза, а останется в стороне от конфликта и в случае необходимости выступит против германской агрессии?

Итак, московский разведчик, игравший роль дипломата, приближался к своей цели очень осторожно и сначала говорил далеко не обо всем, что было ему поручено. Ответ Р. Холсти был прост и логичен: без согласия президента он не имеет права вступать ни в какие переговоры.

Министр иностранных дел Финляндии проинформировал о предложении Москвы сначала премьер-министра А. К. Каяндера, президента К. Каллио и министра финансов В. Таннера. Позже об этом узнали еще некоторые лица: секретарь премьер-министра А. Инкиля, временно исполняющий обязанности министра иностранных дел В. Войонмаа и генеральный инспектор армии генерал-лейтенант А. Сихво. Посланника Финляндии в Москве А. С. Ирью-Коскинена информировали лишь осенью, когда начатые в Хельсинки переговоры перенесли в Москву.

Что же касается одного из самых влиятельных лиц Финляндии, председателя Совета обороны К. Г. Э. Маннергейма, то он в своих воспоминаниях категорически заявляет, что ничего не знал о переговорах. Позже Маннергейм подчеркнул, что считает поведение правительства в этом вопросе неверным, поскольку более широкое распространение надлежащей информации среди членов парламента способствовало бы пониманию необходимости увеличения оборонных расходов.¹²

Со своей стороны Б. Ярцев-Рыбкин проинформировал лиц, от которых можно было ждать поддержки реализации планов Москвы. На первом месте среди них была Хелла Вуолиёки, которая уже много лет находилась в доверительных отношениях с советским полпредством.

На встрече Холсти и Ярцева-Рыбкина 16 апреля последний подчеркнул, что в случае, если Финляндия согласится с предложением Москвы, советское правительство готово во всех вопросах учитывать интересы Финляндии, заключить выгодный торговый договор, пойти на уступки в вопросах укрепления

¹¹ J. Suomi. Talvisodan tausta. I, s. 186–187.

¹² G. Mannerheim. Muistelmat. Toinen osa. Helsingissä, 1952, s. 84.

Аландских островов и т.д. Тут же он выразил желание встретиться с президентом К. Каллио. Холсти отказал, сославшись на болезнь президента, но предложил Ярцеву-Рыбкину возможность встретиться с премьер-министром А. К. Каяндером.

Первая встреча премьер-министра и советского эмиссара состоялась 21 апреля. Б. Ярцев-Рыбкин разъяснил московскую оценку международной обстановки, устремления советского правительства и особенно необходимость взаимопомощи между Финляндией и Советским Союзом в случае военной угрозы. Несмотря на приложенные Ярцевым-Рыбкиным усилия, беседа результатов не дала. Правда, Каяндер не прервал разговор, а намекнул, что этим должен заниматься министр иностранных дел.

Но Р. Холсти вскоре уехал в США и оставил переговоры на временного исполняющего обязанности министра иностранных дел Вяйно Войонмаа. Последний же ими особенно не занимался, и контакты с московским эмиссаром поддерживал секретарь премьер-министра Арво Инкиля.

Финские авторы отмечали, что в Хельсинки относились к предложениям Москвы недостаточно серьезно. По мнению финнов, имело место проявление обыкновенного недовольства, что часто случалось в финско-советских отношениях.¹³ И только А. Инкиля понимал всю серьезность предложений и рекомендовал с ними считаться. Он советовал дать гарантии, что Финляндия не позволит превратить свои территории в плацдарм против Советского Союза, но чтобы и Советский Союз со своей стороны гарантировал независимость Финляндии и в случае необходимости предоставил экономическую помощь. Кроме того, Инкиля советовал подписать с Советским Союзом торговый договор и уменьшить влияние Германии на Финляндию, естественно, настолько, насколько это зависело от правительства. В сущности, Инкиля советовал подписать с Советским Союзом договор о взаимопомощи.¹⁴

Но А. Инкиля был связан полученными

от премьер-министра распоряжениями и на своих встречах с Б. Ярцевым-Рыбкиным не мог ничего обещать.

Поскольку переговоры успехом не увенчались, Ярцев-Рыбкин отправился в Москву для прояснения обстановки и за новыми инструкциями.

На следующей встрече Ярцева-Рыбкина и Каяндера 11 июля 1938 г. агент Москвы вновь говорил об агрессии Германии, о необходимости гарантий Финляндии и готовности Советского Союза защищать независимость Финляндии и при необходимости помогать ей. Каяндер подтвердил политику нейтралитета Финляндии, но посчитал письменные гарантии излишними и дал понять, что в случае опасности Финляндия справится и без помощи восточного соседа. Каяндер выделил некоторые открытые вопросы финско-советских отношений: предотвращение приграничных инцидентов, торговый договор и др., урегулирование которых могло бы улучшить взаимоотношения двух стран. Ярцев-Рыбкин со своей стороны подчеркнул, что для решения всех этих вопросов нужна политическая основа.

В конце июля А.К. Каяндер передал переговоры с Б. Ярцевым-Рыбкиным заботам министра финансов В. Таннера. Почему это случилось, финским историкам до конца не понятно. Х. Вуолиёки давала понять, что именно она сыграла в данном вопросе некую роль. Во всяком случае, эмиссар Москвы добился именно того, что ему советовал Сталин.

В. Таннер действительно был несколько более гибок нежели премьер-министр. Если последний еще 11 июля не считал необходимым давать Советскому Союзу какие-либо письменные гарантии, то месяцем позже его позиции изменились, видимо, под влиянием представленных Таннером аргументов.

11 августа 1938 г. В. Таннер устно представил Б. Ярцеву-Рыбкину сформулированную премьер-министром А. К. Каяндером декларацию: «Финское правительство, придерживаясь нейтралитета Северных стран,

¹³ J. Suomi. Talvisodan tausta, I, s. 190–191.

¹⁴ K. Korhonen. Turvallisuuden pettäessä, s. 170.

не позволит никакого нарушения территориальной неприкосновенности Финляндии и того, чтобы чужое государство получило в Финляндии исходную позицию для нападения на Союз Советских Социалистических Республик. Правительство же Союза Советских Социалистических Республик, утверждая, что всячески уважает территориальную неприкосновенность Финляндии, не будет возражать против предпринимаемых на Аландских островах военных приготовлений, проводимых финской стороной в мирное время, как того требует обеспечение неприкосновенности территории Финляндии и полного нейтралитета Аландских островов».¹⁶

Таким образом, финская сторона пошла навстречу советскому правительству, но в Москве этот шаг сочли недостаточным, тем более, что он связывался с одобрением укрепления Аландских островов со стороны Советского Союза.

18 августа Б. Ярцев-Рыбкин представил В.Таннеру встречные советские предложения. Первый пункт ходатайства Москвы гласил: «Если правительство Финляндии не считает возможным заключение совершенно секретного военного договора, Россия может удовлетвориться тем, что получит письменное обязательство о готовности Финляндии отражать возможные нападения и для осуществления этого принять военную помощь России».¹⁷

На уточняющий вопрос В. Таннера Б. Рыбкин ответил, что под военной помощью Москва не подразумевает отправку войск на территорию Финляндии или какие-либо территориальные концессии. А именно, Москва не желает усложнять положения финского правительства и понимает, что возможное появление советских войск не вызовет одобрения в Финляндии. Советское правительство прежде всего имеет в виду

поставку вооружений и защиту морских границ.¹⁸

В случае принятия этого условия советское правительство соглашалось на укрепление Аландских островов и даже предлагало материальную помощь в виде артиллерии и т.п., но не денежных средств. Москва оставляла за собой право с помощью негласных наблюдателей следить за ходом сооружения укреплений во избежание их перехода в руки Германии.

Москва добивалась от Финляндии права создания на Суурсаари (Гогланд) авиационной и военно-морской базы.

В случае принятия вышеназванных условий советское правительство было готово гарантировать Финляндии прежде всего неприкосновенность ее морских границ, поставлять на льготных условиях вооружение и заключить выгодный торговый договор.

Финские авторы утверждают, что в предложениях от 18 августа основной акцент был сделан именно на роль советского флота в отражении возможного нападения Германии.¹⁹

Названное предложение обсуждалось в тесном кругу государственных деятелей Финляндии. Только Инкиля высказывался за их принятие, разумеется, при строгом условии неприкосновенности независимости и нейтралитета Финляндии и безусловном суверенитете Финляндии над островом Суурсаари.

Официальный ответ правительства Финляндии сформулированный А.К. Каяндером и В.Таннером, был четко отрицательным. 29 августа Б. Ярцеву-Рыбкину сообщили, что принятие его предложения было бы нарушением суверенитета Финляндии и противоречило бы нейтралитету Финляндии и Скандинавских стран.²⁰

Отказ Финляндии по существу должен был означать конец переговоров, но финны,

¹⁵ J. Suomi. Talvisodan tausta, I, s. 201.

¹⁶ V. Tanner. Olin ulkoministerinä..., s. 17; G. Mannerheim. Muistelmat, II, s. 86.

¹⁷ V. Tanner. Olin ulkoministerinä..., s. 18.

¹⁸ Там же, с. 19.

¹⁹ M. Jakobson. Diplomaattien talvisota, s. 29.

²⁰ V. Tanner. Olin ulkoministerinä..., с. 20-21; J. Suomi. Talvisodan tausta, s. 209

особенно А. Инкиля, считали нецелесообразным окончательно закрывать двери. Поэтому 15 сентября В. Таннер сообщил Б. Ярцев-Рыбкину, что по некоторым вопросам можно провести совещания с министром иностранных дел Р. Холсти по возвращении его из Женевы, где он принимал участие в работе пленума Лиги наций. После этого Ярцев-Рыбкин уехал в Москву, и финны надеялись, что вопрос исчерпан.

Советская пресса, которая с начала переговоров воздерживалась от нападок на Финляндию, вновь открыла огонь. Уже 3 сентября газета «Известия» утверждала, что Германия пытается втянуть Финляндию в антисоветскую политику и что укрепление Аландских островов служит интересам Берлина. Осуждалась политика нейтралитета Финляндии и всех Скандинавских стран, поскольку и она, якобы, отвечает интересам Германии. «Правда» тоже печатала антифинляндские статьи.

Чехословацкий кризис в сентябре 1938 г. потряс всю Европу. Результаты Мюнхенской конференции были во многом неблагоприятны для Советского Союза, международные позиции Москвы ослабли. В то же время в советском правительстве надеялись, что благодаря произошедшим потрясениям финны сделаются сговорчивее.

В начале октября Б. Ярцев-Рыбкин встретился в Хельсинки с министром иностранных дел Р. Холсти и повторил свои прежние предложения. По совету А. Инкиля ответ советскому эмиссару должен был быть настолько неопределенным, чтобы ни к чему не обязывать Финляндию и в то же время демонстрировать добрую волю финнов. 13 октября Р. Холсти представил ответ правительства Финляндии. Он вновь утверждал, что возможная помощь Советского Союза при защите Финляндии противоречит политике нейтралитета и поэтому неприемлема для Финляндии. Позже Р. Холсти писал, что чем дальше заходил он со своими объяснениями, тем мрачнее становился Б. Ярцев-Рыбкин. Он попытался все же выторговать

разрешение на укрепление о. Суурсаари при условии, что все нужные работы финны проведут сами. Укрепление о. Суурсаари и Аландских островов должно было, конечно, проводиться по договоренности с Москвой.

По поводу советско-финского военного сотрудничества Б. Ярцев-Рыбкин заявил: «Поскольку Россия не может быть уверена, что Финляндия при любых условиях защитит свою неприкосновенность от великой державы, которая попытается использовать территорию Финляндии для нападения на Советскую Россию, Россия предлагает Финляндии военную помощь. Эту военную помощь, по большому счету, можно разделить на две части, а именно: в мирное время – в виде продажи военного снаряжения и т.д., и в военное время – военная помощь в прямом смысле этого слова».²¹

Холсти и Ярцев-Рыбкин встречались еще 15 октября, и эта встреча стала последней. Берлин начал прямые и острые нападки против Холсти, объясняя это тем, что он позволяет себе делать критические заявления в адрес Германии и Гитлера. Добавились еще неприятности, например, с декларацией о подоходном налоге, и 21 ноября министр иностранных дел подал прошение об отставке. Его преемником стал главный редактор газеты «Helsingin Sanomat» Юхо Эльяс Эркко.

В октябре 1938 г. Б. Ярцев-Рыбкин сделал предложение о том, чтобы представители Финляндии поехали в Москву на переговоры по экономическим и политическим вопросам. Была достигнута договоренность о том, что политические вопросы будут обсуждать посланник Аарне Ирвё-Коскинен и руководящие работники МИДа Финляндии Урхо Тойвола и Ааро Пакаслаhti.

Делегация Финляндии отправилась в Москву в декабре 1938 г., причем официальной целью поездки было участие в открытии нового здания полпредства и празднование Дня независимости Финляндии. Настоящие цели простирались намного дальше, самой главной считалось начало переговоров о за-

²¹ J. Suomi. Talvisodan tausta, I, s. 311–314.

ключении советско-финского торгового договора.

7 декабря У. Тойвола и А. Пакаслаhti встретились с заместителем председателя Совета народных комиссаров СССР и наркомом по внешней торговле Анастасом Микояном. Последний объяснил точку зрения Москвы на международное положение и пожелания советского правительства относительно Финляндии. Самым главным он считал укрепление о. Суурсаари. Финны ответили, что для этого нужно изменить Тартуский мирный договор, тогда Финляндия могла бы обсуждать данный вопрос. Они подчеркнули, что если оборонительные сооружения и явятся предметом обсуждения, Финляндия будет заниматься ими самостоятельно, но есть вероятность закупки оружия и боеприпасов у Советского Союза.²²

Напротив, У. Тойвола уделил основное внимание экономическим пожеланиям финнов, особенно стремлению экспортировать в Ленинград сельскохозяйственные продукты. А. Микоян дал стереотипный ответ: экономические отношения зависят от политических предпосылок. У. Тойвола выразил надежду, что в ходе дальнейших переговоров удастся сблизить точки зрения. На что А. Микоян дал понять, что финны могут сделать предложение для начала официальных торговых переговоров.²³

Вскоре выяснилось, что У. Тойвола выразил лишь свою личную точку зрения относительно дальнейшего хода переговоров. Министр иностранных дел Э. Эркко придерживался точки зрения, что тайные переговоры на уровне специальных эмиссаров надо прекратить и в дальнейшем решать проблемы по обычным дипломатическим каналам. В результате переговоры, касающиеся политических вопросов, были прерваны, но весной 1939 г. они были возобновлены.

Хотя тайные переговоры касались первоначально лишь отношений между Финляндией и Советским Союзом, они могли

отражать и расчеты Москвы относительно Балтийских государств. Это предполагал и министр иностранных дел Р. Холсти, который спрашивал у некоторых финских дипломатов, в том числе и у посланника в Таллинне П.Ю. Хюннинена, не обращалось ли советское правительство с подобными предложениями к Балтийским государствам. Ответ был отрицательным.²⁴ Балтийские государства были взяты под прицел осенью 1939 г. после начала Второй мировой войны.

Хейно Арумяэ

1928

Доктор исторических наук (1987).

Область исследований: новейшая история, внешняя политика Эстонской Республики.

²² J. Suomi. Talvisodan tausta, I, s. 328–329.

²³ Там же, с. 330.

²⁴ Там же, с. 431.